

дины и конического, полуразрушенного временем или любопытством человека, верха. В основании центра пьедестала был вертикально укреплен деревянный шест без какого бы то ни было украшения на вершине.

Отдавая все свои силы и время на подробное исследование столицы тангутского царства, я не переставал интересоваться ближайшими окрестностями Мертвого города, где, по слухам, были еще развалины «Боро-хото» (см. схем. чертеж к стр. 97). С этой целью мой спутник Гамбо Бадмажапов, с двумя монголами, совершил поездку на северо-

восток ¹⁾ и привез кое какие дополнительные данные о жизни туземцев в пустыне Гоби. Оказывается, что в те отдаленные времена, когда Хара-хото, вытянувшись широким приветливым оазисом, вдоль берегов Эцзин-гола, протекавшего еще дальше на северо-восток, жил полной жизнью, не менее его процветало и селение Боро-хото, расположенное на левом берегу старого русла Эцзин-гола, в двадцативерстном расстоянии к северо-востоку от Хара-хото.

Пользуясь случаем всякой встречи с туземцами, мы постоянно вели с ними беседы о Хара-хото, о том конечно, не был ли кто-нибудь на

развалинах раньше нашего посещения мертвого города, или не нашел ли кто, что либо очень интересное и т. д. По этому поводу мне приходилось слышать массу всевозможных рассказов, но более существенных мало и они заключаются в следующем:

Прежде всего, невежественные, суеверные эцзин-голские торгоуты из боязни харахото'ских духов и их навождений стараются никогда туда не заглядывать, в особенности в одиночку или тем более с целью производить какие бы то ни было раскопки. «Правда, говорили торгоуты, среди нас бывали смель-

¹⁾ Держась очертания желоба — прежнего, засыпанного песком, русла или вернее одного из рукавов Эцзин-гола.



Будда.



Бодисатва Авалокитешвара.